

Т.В. Коробкина

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
к. филос. н., доц. каф. философии

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ФЕНОМЕНА ОТЦОВСТВА В СВЯЗИ С ТРАНСФОРМАЦИЯМИ НОРМАТИВНОЙ МУСКУЛИННОСТИ

Статья посвящена малоизученному феномену отцовства. Рассматриваются процессы деконструкции феномена отцовства в связи с трансформациями нормативной модели маскулинности. Проанализированы различные аспекты категории маскулинности, традиционные типы отцовского поведения и перспективы их развития в посттрадиционном обществе.

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, «традиционный отец», «отсутствующий отец», «ответственный отец», «новый отец»

Т.В. Коробкіна

ДЕКОНСТРУКЦІЯ ФЕНОМЕНУ БАТЬКІВСТВА У ЗВ'ЯЗКУ З ТРАНСФОРМАЦІЯМИ НОРМАТИВНОЇ МУСКУЛИННОСТІ

Стаття присвячена маловивченому феномену батьківства. Розглядаються процеси деконструкції феномену батьківства у зв'язку з трансформаціями нормативної моделі маскулинності. Проаналізовані різні аспекти категорії маскулинності, традиційні типи батьківської поведінки і перспективи їх розвитку в посттрадиційному суспільстві.

Ключові слова : батьківство, маскуліність, «традиційний батько», «відсутній батько», «відповідальний батько», «новий батько».

T. Korobkina

DECONSTRUCTION OF THE PHENOMENON OF FATHERHOOD IN CONNECTION WITH TRANSFORMATIONS OF NORMATIVE MASCULINITY

This article is dedicated to phenomenon of fatherhood. Processes of deconstruction of phenomenon in connection with transformations of normative masculinity are considered. Different aspects of category of masculinity, traditional types of father's behavior and perspectives of their development in post traditional society are analyzed.

Key words: fatherhood, masculinity, "traditional father", "absentee father", "responsible father", "new father".

В современных психологических исследованиях, а также исследованиях смежных наук (социологии, этнографии, педагогике, антропологии) во все времена большое внимание уделялось проблемам родительства. А феномен отцовства, один из наиболее интересных аспектов института родительства, исследован явно недостаточно.

Русское слово «отцовство» в английском языке передается терминами fatherhood и fathering. Первое слово обозначает отцовство как социальный институт, то, как его представляет себе общество, а второе – отцовство как деятельность, практики и стили поведения. Для исследования этих явлений нужны разные источники и методы. В первом случае осуществляется реконструкция и анализ социокультурных норм, то есть того, что общество ожидает от любого отца. Во втором случае происходит описание и анализ того, что фактически делают и чувствуют конкретные отцы, какова психология отцовства. То и другое может рассматриваться на разных уровнях и в разном контексте.

Несмотря на попытки многочисленных междисциплинарных исследований феномена отцовства, на сегодняшний день нет единого четкого определения этого

понятия. Одна из самых авторитетных российских исследовательниц феномена отцовства Борисенко Ю.В [2] определяет его как категорию личности, отражающую основные этапы ее развития, характеризующую комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека: эмотивно-аксеологическом, когнитивном и операциональном. Архиреева Т.В. рассматривает отцовство с двух точек зрения: как обеспечение условий развития ребенка и как часть личностной сферы мужчины [1].

В своей статье мы будем отталкиваться от базисного определения этого понятия, данного Коном И.С. «Отцовство – универсальный и одновременно наиболее изменчивый и проблематичный аспект маскулинности. Это касается и социального института отцовства (fatherhood), и конкретных отцовских практик (fathering), и мужской идентичности, включающей образ «Я» [4].

В данной работе мы попытаемся рассмотреть особенности деконструкции института отцовства в зависимости от изменения такого культурного фактора, как нормативная модель маскулинности.

Как и другие гендерные категории, маскулинность не имеет однозначного определения. У нее, по крайней мере, три разных значения.

1. Маскулинность, как описательная категория обозначает совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин.

2. Маскулинность, как категория, обозначающая один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, установок и верований о том, чем является мужчина, какие качества ему приписываются.

3. Маскулинность, как система предписаний, имеющих в виду не среднестатистического, а идеального «настоящего» мужчину, это нормативный эталон мужественности.

Категория маскулинность является не самостоятельной, а бинарной по отношению к фемининности, или женственности, потому что обретает смысл лишь при противопоставлении всему, что «не-мужское». По сути, это определенный социокультурный образец, набор поведенческих практик, которые могут реализовываться не обязательно биологическими мужчинами. Точно так же, сам факт биологической принадлежности к мужскому полу еще не гарантирует обладания маскулинностью как набором социальным качеств: как говорилось в старом советском стихотворении «чтоб стать мужчиной – мало им родиться, чтоб стать железом – мало быть рудой. Ты должен переплавиться, разбиться, и как руда, пожертвовать собой».

Усвоение «правильного» мужского ролевого поведения у мальчиков начинается в раннем детстве, а усвоенные достаточно жесткие нормативные образцы мужественности оказывают регулирующее влияние на поведение мужчины на протяжении всей его жизни. По словам Ш. Берн, поведение мужчин основано на представлении о мужественности, которое они впитали из культуры. Существующая определенная идеология мужественности закрепляется в общественном сознании в виде мнений, взглядов, ожиданий относительно того, каким должен быть «настоящий» мужчина и что он должен делать. Комплекс представлений о «настоящем» мужчине объединяется в модель традиционной маскулинности, которая имеет статус культурной нормы. Майкл Киммель выделяет следующие основания построения нормативной маскулинности: антиженственность (маскулинность как бегство от фемининного); гомосоциальность (маскулинность как гомосоциальный спектакль); гетеросексуальность (маскулинность как гомофобия) [6].

Известный исследователь маскулинности Р. Бреннон сформулировал четыре основных компонента «мужской роли», т.е. социально предписанные условия нормативной маскулинности:

«Без бабства» (“no sissy stuff”) – мужчина должен избегать всего женского.

«Большой босс» (“the big wheel”) – мужчина должен добиваться успеха и опережать других мужчин.

«Крепкий дуб» (“the sturdy oak”) – мужчина должен быть сильным и не проявлять слабость.

«Задай им жару» (“give ‘em hell”) – мужчина должен быть «крутым» и не бояться насилия [7].

Несмотря на некоторые различия в составляющих нормативной (традиционной) маскулинности, выделяемых разными авторами, явно видно то общее, что объединяет эти описания. Набор данных характеристик конструирует образ «мачо», опирающийся на представления о «мужском природном естестве».

В наборе черт нормативной мужественности нет упоминаний о родительской роли мужчины, поскольку акцент сделан на освоение внесемейных ролей. В соответствии с тенденцией формирования мужской идентичности, как противоположности идентичности женской, мужчина, сориентированный на традиционную нормативную модель мужественности в ситуации обретения новой для него роли отца также действует по аналогичному принципу: содержательная составляющая отцовской роли выстраивается как противоположность материнской роли. Если мать основное время жизни ребенка находится рядом с ним, то отец должен дистанцироваться от него; если мать проявляет эмоциональность и теплоту, то мужчина должен проявлять сдержанность в чувствах; если мать в первую очередь заботится об удовлетворении физиологических потребностей ребенка, то отец определяет свою задачу как заботу о развитии интеллектуального или физического потенциала ребенка по мере его взросления.

Исходя из вышесказанного, можно выделить одну из основных характеристик отцовского поведения, отвечающую традиционной модели нормативной мужественности – отцовская позиция и ролевое поведение выступают как противоположные материнскому поведению.

В зависимости от особенностей того или иного общества, нормативный образ отца включает в себя несколько ипостасей: а) персонификация власти, б) кормилец, в) высший дисциплинатор, г) пример для подражания сыну, а иногда и непосредственный его наставник в общественно-трудовой деятельности.

Анализ российской и зарубежной литературы, посвященной проблемам связи отцовства и маскулинности, позволил выделить два наиболее распространенных типа отцовского поведения, опирающегося на нормативную модель традиционной мужественности:

– «традиционный отец» (отец «старых времен»), который заботится о своей семье как руководитель;

– «отсутствующий отец» (т. е. отсутствующий прежде всего в психологическом плане, он может присутствовать физически, но быть почти не связан с отцовством).

Объединяют эти два типа поведения отцов (приверженцев традиционной модели маскулинности) следующие черты: нерегулярные контакты с детьми, отстраненность от ежедневных забот о детях, доминантность в отношениях с детьми, эмоциональная сдержанность и холодность в межличностных контактах. Все эти особенности поведения отцов разительно отличаются от традиционного типа материнского поведения.

Однако, для нашей страны проблема канонов нормативной маскулинности и их влияния на феномен отцовства является практически неизученной и особенно актуальной в силу исторических причин, особенно таких, как влияние прежнего тоталитарного государства на становление роли мужчины вообще и отцовства, в частности. Актуальность подобных исследований диктуется также теми изменениями, которые происходят в социальном устройстве нашего общества в настоящее время. Это и глобальные перемены в обществе (модернизация, социально-экономические трансформации и т. д.); экономические и социальные процессы индустриализации и

урбанизации; различные приоритеты в социальной политике; культурные факторы – изменение традиционных норм и ценностей и др.

Если в традиционном обществе стабильность социального устройства предполагала постоянство социальных ролей (в том числе и отцовских), то в связи со значительными изменениями в системе социальных ролей, произошедшими в обществе за последние 25 лет, более социальная, чем материнская, отцовская роль претерпевает серьезные изменения. Это приводит к появлению новых форм активности отцов, что свидетельствует, по мнению Ш. Барта, о формировании новой гендерной системы, переоценке или уточнению обществом отцовских функций, дальнейшей дифференциации гендерных ролей. Все вышеперечисленные проблемы социально-общественного устройства непосредственным образом коснулись любых нормативных канонов мужского поведения. Оказалось, что следование традиционной нормативной маскулинности не способствует успешной адаптации мужчины в быстро меняющемся обществе. Завышенные социальные и личные притязания («мужчина должен быть всегда и всюду первым и главным») и установка на силовое решение конфликтов («настоящий мужчина всегда выступает с позиции силы») обуславливают формирование таких качеств, как конфликтность и агрессивность, которые часто не соответствуют индивидуально-психологическим особенностям и возможностям реального мужчины. Это особенно болезненно проявляется в кризисных ситуациях, которых в современном быстро меняющемся мире становится все больше. Чувство, что он не оправдывает возложенных на него надежд и ожиданий, порождает у мужчины синдром «несостоявшейся маскулинности» и может привести к усилению депрессивных настроений, социальной апатии, чувству беспомощности и пр.

Поэтому, трансформации в сфере гендерных отношений, происходящие в последние десятилетия, не случайно способствуют формированию модели новой маскулинности, включающей черты модернизированной мужественности.

Особое внимание этим вопросам уделяется в сфере гендерных исследований. Новая модель не такая четкая и конкретная, как традиционная модель маскулинности, в ней больше вариаций и индивидуального своеобразия. ««Настоящий мужчина» сегодня – не только «силовик», но и ученый, инженер, художник, поэт-лирик и просто ласковый отец, а разные виды деятельности предполагают неодинаковые психологические свойства» [3].

Главная отличительная черта новой модели маскулинности заключается в том, что она в равной степени ориентирует мужчин на самореализацию в профессиональной и семейной сферах. Один из вариантов такой модели – «естественная маскулинность». Это мужское поведение, в котором имеет место снятие разного рода ограничений, накладываемых гегемонной (нормативной) маскулинностью. Сюда относятся эмоциональность, признание за мужчиной права быть неуверенным, отсутствие гегемонистских устремлений, возможность иного отношения к семье и детям. В естественной маскулинности принципиально допустим сдвиг в жесткой дихотомии "работа- мир мужчины, а семья – мир женщины". Работа и семья становятся равнозначными ценностями, определяющими поведение мужчины. Эти изменения, накапливаясь, могут привести к переменам в социальной структуре. В этом типе маскулинности иное отношение к власти: мужчина не обеспокоен тем, что не чувствует себя властным. Здесь стоит указать также, что естественная маскулинность не является ни кризисом маскулинности, ни "несостоявшейся маскулинностью" [5].

Типы отцовского поведения, соответствующие модели новой мужественности, в основном распространены в западной культуре, поэтому описания новых поведенческих практик современных отцов чаще можно встретить у зарубежных исследователей. Так, на сегодняшний день наиболее изучены такие новые типы отцовского поведения:

– «ответственный отец» активно включен в процесс ухода за детьми и их воспитания, однако вклад таких отцов в развитие детей меньше, чем вклад матерей;

– «новый отец» (new father) как развивающийся тип мужчины, который не только берет на себя ответственность за свою семью, но делит поровну с супругой и домашние обязанности, и обязанности по уходу за детьми, их развитием и воспитанием.

У этих двух типов отцовства есть общие черты: отсутствие доминирования в отношениях с детьми, открытость и эмоциональная теплота в межличностных контактах, сходство практик отцовского и материнского поведения. По этим особенностям отношения к детям ответственные и «новые» отцы принципиально отличаются от первых двух типов (традиционный отец и отсутствующий отец). «Ответственный и заботливый отец – одна из главных ипостасей «нового мужчины»» [4]. Особенно заметен вклад отцов подобного типа в воспитание детей до трех лет. Если у традиционных отцов этот вклад ничтожен, то у новых отцов он примерно равен материнскому вкладу. Эти отцы готовы снизить свои карьерные амбиции и притязания, чтобы сократить профессиональные нагрузки и больше времени уделять детям. По данным психологов, дети активно вовлеченных отцов отличаются повышенной когнитивной компетентностью, повышенной эмпатией, менее стереотипными взглядами и более интернальным локусом контроля. В целом вовлеченное отцовское поведение позитивно сказывается на всех сторонах развития личности ребенка.

Вовлеченное отцовское поведение активно способствует психологическому развитию мужчины, его самореализации и личностному росту. У активно вовлеченных отцов повышается самооценка, появляется уверенность в себе, самоуважение, что заметно влияет на степень удовлетворенности жизнью.

Им не присущи многие гендерные стереотипы, например стереотип о том, что по психологическим чертам и особенностям поведения мужчины и женщины принципиально различаются. В защиту подобных взглядов, руководитель многочисленных сравнительных исследований отцовства американский психолог Майкл Лэм [7] делает такие выводы:

1. Вопреки ожиданиям многих психологов, отцы и матери чаще влияют на ребенка сходно, чем различно, расхождения между ними менее заметны, чем сходства, а механизмы и средства воздействия на детей похожи. Важен не столько пол/гендер родителя, сколько стиль его поведения.

2. Индивидуальные свойства отцов, такие как уровень маскулинности, интеллекта, эмоциональной теплоты и отзывчивости, влияют на развитие ребенка меньше, чем характер взаимоотношений, которые эти отцы установили со своими детьми. Дети, имеющие с родителями устойчивые, поддерживающие, взаимные и эмоциональные отношения, психологически благополучнее тех, у кого такие отношения отсутствуют. Точно так же количество времени, которое отцы проводят с детьми, менее важно, чем то, как именно они его проводят, и как сами дети и значимые для них лица воспринимают и оценивают это взаимодействие.

3. Индивидуальные взаимоотношения между отцом и ребенком выглядят менее существенными, чем общий семейный контекст, включая взаимоотношения между всеми членами семьи.

4. Отец играет в семье не одну, а множество разных ролей, и отцовский успех зависит от меры его успешности в каждой из них.

5. Природа отцовского влияния зависит от индивидуальных и культурных ценностей, например, от того, стараются ли родители сформировать у мальчиков и девочек одинаковые или разные гендерные свойства.

Приведенные выше доводы в защиту как новых канонов маскулинности, так и новых форм отцовского поведения, не исключают, однако того, что они не станут единственно возможными формами мужской репрезентации. Вряд ли традиционная маскулинность позволит им себя вытеснить. Более того, идея планомерного систематического перевоспитания мужчин по единому образцу явно не является уместной в условиях посттрадиционного общества. Иными словами, единой нормативной маскулинности, как и единой "отцовской роли", к которой все мужчины должны

стремиться, не существует. Успешный мужчина, отец – тот, который хорошо выполняет задачи, подсказываемые ему конкретной социальной ситуацией.

Как пишет самый авторитетный российский теоретик-сексолог, психолог и социолог Кон И.С., современный мужчина, как и его предки, обладает достаточными адаптивными способностями, чтобы справиться с социальными вызовами эпохи. Однако для этого ему необходимо а) считаться с новыми социальными реалиями и б) не равняться на один-единственный, причем заведомо упрощенный и идеализированный образец. Особенно, если его личные задатки и качества этому типу не соответствуют. «Мужчины, которые играют в футбол, совершают воинские подвиги, создают новые научные теории, сочиняют стихи или романы, наживают огромные состояния, основывают новые религии, сажают леса, ставят сексуальные рекорды, всю жизнь любят одну и ту же женщину, просто добросовестно работают, учат и воспитывают своих или чужих детей, вовсе не обязательно обладают одними и теми же психологическими чертами. Скорее, наоборот, все они очень разные. Так зачем нам подгонять их под один и тот же стандарт, даже если он красиво описан в уважаемых древних книгах? Тем более, что и там этот тип – не единственный» [5].

Перечень ссылок:

1. Архиреева, Т.В. Гендерная идентичность мужчин как детерминанта мотивационно-ценностных компонентов отцовства [Текст] / Т.В. Архиреева // Семейная психология и семейная терапия. – 2007, № 1 – С. 27
2. Борисенко, И.Ю., Борисенко Ю.В. Психология отцовства [Текст] / И.Ю. Борисенко, Борисенко Ю.В. – Москва: Обнинск, ИГ – СОЦИН, 2007. – С.147
3. Кон, И.С. Мужчина в меняющемся мире [Текст] / И.С. Кон. – М.: Время, 2009. – С.420-496
4. Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности [Текст] / Кон И.С. // Демо-скоп\уеек1у. 2006, № 237.– С.236-238.
5. Кон, И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире [Текст] : Учеб. пособие Ч. 1: / И. Кон; под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 562 – 606.
6. Киммель, М. Гендерное общество [Текст]: пер. с англ. / М. Киммель. – М.: РОССПЭН, 2006. – 464 с.
7. Тартаковская, И.Н. Маскулинность и глобальный гендерный порядок [Электронный ресурс] // <http://www.gender.ru/pages/resources/publications/common/2006/01/32.php>